

Шедяков Владимир Евгеньевич

Уровень обеспечения и распределения социальной защищённости как политическая проблема

УДК 32.01:323.1

DOI <https://doi.org/10.24195/2414-9616.2020-3.15>

Шедяков Владимир Евгеньевич
доктор социологических наук,
независимый исследователь

Предмет исследования – процессы трансформаций оснований изменения общего уровня социальной защищённости и его дифференциации в обществе. Задачей подготовки текста является изучение необходимости и возможности изменения общего уровня социальной защищённости и его дифференциации для расширения политической базы реформ. Актуальность проблемы обусловлена серьёзной ролью данного фактора для жизни страны и реализации потенциала народа. Методология проведения работы базируется на сочетании логического и исторического подходов, анализа объективных тенденций и их субъективных рефлексий в осознании социально-политических процессов и формулировании стратегии действий. Пандемия дополнительно выявила недостаточную прочность прежних систем социальной защищённости, заставив искать пути в будущее (как всегда, при недостатке ресурсных баз и необходимости широкого манёвра ими). Соответственно, при формировании и распространении конкурирующих образов будущего тенденции к борьбе за глобальное доминирование, к регионализации и к повышению контроля деятельности отдельного человека на основе средств цифровизации накладываются друг на друга. При этом постглобальность как объективная характеристика нового состояния миропорядка по-разному отражается в постглобализме как системе представлений, складывающихся в общественной психологии и идеологии. Информационную базу исследования составляют международные и государственные нормативные акты, отечественные и зарубежные публикации, исследования по вопросам организации и трансформаций социальной защищённости. Результаты работы – осуществлён анализ исторических тенденций, охарактеризованы особенности нынешнего периода с его арсеналом подходов и возможностей/ограничений эффективного воздействия на социально-политические процессы на стратегическом уровне. Предложены пути повышения его продуктивности за счёт совершенствования уровня и дифференциации социальной защищённости в обществе. Выводы: максимизация просоциальных развития и реализация творческого потенциала населения настоятельно требует повышения уровня социальной защищённости человека. Причём это принципиально не могут быть «меры для богатых» и «иллюзии для бедных». Социально-политическая устойчивость общества, дополнительно испытываемая на изломе форсированными трансформациями переходного периода, допускает либо модель более или менее открытой сегрегации (коррелирующей с полицейским государством при мощной пропагандистской машине, тоталитарном обществе и приоритете силового блока), либо народовластия (с поддержкой просоциальных развёртывания и воплощения дарований каждого, а следовательно, мощной системой социальной защищённости – без дискриминации в доступе к общественным благам). Ныне приоритетом стратегического управления становится очеловечивание общественной жизни и создание социальных условий свободы и творчества для наиболее полного осуществления и развития глубоко индивидуального комплекса одарённости каждого. Утверждение демократических принципов регулирования жизнеустройства также кардинально увеличивает значимость для общества социальной педагогики: массовое развитие сознательной инициативы (прежде всего в труде и управлении) требует адекватных образованности и воспитания. Для органичности развития общества необходимо воспитывать не потребителя, а созидателя, укоренённого в пластах культуры и овладевшего социальным наследием духовно богатого человека. Вместе с тем по-прежнему любые попытки «введения единообразия» мешают творческому поиску, препятствуют развитию. Обеспечение исторической субъектности народа и качества участия в создании общества знаний требует как комплексного преобразования общественной среды, так и формирования точек концентрации позитивных изменений, прежде всего научно-образовательных-производственных кластеров. Новое состояние общества как внутреннего, так и внешнего структурирования целостности социальных связей увеличивает заинтересованность в формировании адекватных человеческих качеств, инновационном состоянии меры индивидуализации – социализации/аккультурации. Пороговое состояние ойкумены делает неизбежным кардинальное совершенствование человека, в частности, системное образование личности в едином процессе дошкольного, школьного, послешкольного образования, регулярной переподготовки и постоянного самообразования. Усложнение социума требует овладения методами общественно полезного использования (а подчас и ненасильственной нейтрализации) самой разнообразной индивидуальной энергии.

Ключевые слова: развитие, гуманизация, глобальные трансформации, региональные и национальные особенности, пост-глобальность, пост-глобализм, государство, стратегия, воспитание.

Успех каждого начинания больше всего зависит от органической подготовки всех действующих лиц. ... Не лучше ли было бы начать именно с такой органической подготовки, а форма вылилась бы сама собой.

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Вступление. Пандемия в очередной раз выпукло очертила связь проблемности социальной защищённости общества и его слоёв с особенностями как установившегося миропорядка, так и стандартов внутренней жизни [1, с. 62]. И стало очевидным: прошлые гегемоны не в состоянии не только обеспечить качественные системы здравоохранения, образования, налоговой и промышленной политики и т.д., но и принять на себя ответственность за состояние ойкумены, в критический момент не помогая, а перекупая критично важные средства индивидуальной защиты, лекарства, врачей и проч. Напротив, Китай, РФ, Куба сумели не только эффективно локализовать очаги эпидемии и продемонстрировать надёжность своих моделей гарантирования защищённости людей, но и протянули первыми руку помощи другим государствам. К тому же социально-политическая стабильность в состоянии подтачиваться разным уровнем защищённости различных социальных, этнических, региональных и т.д. групп населения, в частности, формированием классических «двух наций»: условий проживания и жизнедеятельности «богатых» и «бедных», нарастанием абсолютного и относительного обнищания широких масс, в процессы которого вслед за пролетариатом и работниками умственного труда начинает скатываться и расслаивающийся средний класс [2, с. 37].

К теоретико-методологическим основаниям исследования можно отнести: поиски начал построения более совершенного общества Аристотелем (Платоном) и Цицероном, Т. Кампанеллой и Дж. Савонаролой, Ж.-Р. Эбером и П.Г. Шометтом, Ж. Ру и Ж.-Т. Леклерком, Г. Бабёфом и А. Сен-Симоном, И. Кантом и К. Марксом, И. Ильиным и Н. Бердяевым; идеи существа объективных изменений реальности и проистекающих отсюда возможностей и рисков – у Ж. Алфёрова, А. Ахизера, Н. Байбакова, Л. Беляевой, А. Бузгалина, В. Букреева, А. Бутенко, В. Вазюлина, И. Валлерстайна, Н. Вознесенского, А. Галушки, Н. Данилевского, М. Делягина, А. Дынкина, А. Зиновьева, В. Зомбарта, Л. Ивашова, Э. Ильенкова, И. Ильина, В. Иноземцева, М. Кастельса, В. Катонова, А. Косыгина, Г. Кржижановского, Ю. Маслюкова, И. Острецова, С. Платонова, Н. Поляковой, В. Пякина, Е. Режабека, У. Ростом, Т. Сакайи, Б. Славина, Е. Спицына, С. Струмилина, А. Тойнби, Э. Тоффлера, П. Флоренского, Ж. Фреско, Й. Хейзинги, С. Хелемендика, А. Чижевского, Ж. Эллюля; субъективные отражения этих изменений

в построении логики и стратегии преобразований (в частности, в сфере социальной защищённости человека) – у Ж. Бодрийяра, И. Валлерстайна, И. Гнибиденко, Дж. Гэлбрейта, Ю. Давыдова, И. Джохадзе, А. Дуки, В. Ефимова, Б. де Жуве-неля, Л. Ионина, С. Кара-Мурзы, И. Коротченко, Ю. Красина, С. Кургиняна, В. Куценко, В. Ледяева, Э. Либановой, Г. Маркузе, О. Матвейчева, В. Медведева, Б. Межуева, С. Михеева, Э. Ожиганова, К. Петрова, Н. Розова, В. Сагатовского, А. Спирина, В. Толстых, Н. Трубникова, В. Тугаринова, А. Уледова и др.

Задачей подготовки текста является изучение необходимости и возможности изменения общего уровня социальной защищённости и его дифференциации для расширения политической базы реформ.

Результаты. Общий уровень социальной защищённости и его дифференциация в обществе имеют конкретно-исторический характер и зависят, в частности, от этапа достигнутого развития, фазы, целей, представлений о нормативном и справедливом и т.д. Социальные стандарты фиксируют как достижения всей ойкумены, так и особенности конкретных культурно-цивилизационных миров. Ныне социальная защищённость – непременное условие подъёма совокупного общественного богатства в его стратегическом понимании [4–8]. Накопление человечеством технико-технологических и социально-материальных инноваций создаёт предпосылки не только акцентирования духовно-интеллектуальной сферы, но и усиления социальных функций государства. Чтобы быть конкурентоспособным и эффективным, государство обязано акцентировать характеристики гуманности, социальности и справедливости [1; 2]. С прохождением волн механизации, автоматизации, а затем и системной роботизации потребность в энергетической силе человека, его рутинной деятельности падает. Повышение ценности развития и просоциальной реализации творческой одарённости человека (прежде всего в труде и управлении) требует радикального расширения массива творчества, а значит, допуска к возможностям общества максимально большого круга населения. Способность народа к политико-экономической самоорганизации имеет свойство становиться условием качественной реализации прочих направлений творческой активности.

Системный мировой кризис начала III тысячелетия – это тоже проявление общего кризиса доминантной формы индустриализма, однако, её преодоление требует учёта постиндустриальных перспектив экономики знания, а также диапазона её возможностей. Вместе с тем, если система социалистических стран наращивала усилия по расширению корзины социальных, политических, экономических, экологических и т.д. прав и сво-

бод человека, то конец XX – начало XXI вв. были ознаменованы попытками переложить тяготы кризиса империализма на плечи широких масс, что дало дополнительный толчок поляризации населения. Как показывает анализ исторического опыта и его сравнение с формированием черт постсовременности, обещанная идеологами либерального капитализма эмансипация личности обернулась высвобождением животных эгоистических инстинктов с утратой наиболее ценного – высокого созидательного порыва модерна (связанного с протестантской этикой, верностью долгу, напряжённым трудом и т.п.). В погоне за нормой прибыли расстрачиваются сущностные силы людей, отбираясь случайно, спорадически. Становится всё более несоответствующей объективным задачам и возможностям развития, а посему и заканчивается сама «жизнь» данной разновидности организации общественного организма, предполагающая паразитирование на внешних ресурсах «колоний» и подчинении рынков: прежде всего сырья, творческой активности, связанного, потребительских. Продление агонии этой политико-экономической целостности обходится человечеству масштабными потерями не только упущенных возможностей развития, но и формированием «дерева противоречий» между богатыми и бедными (людьми, слоями и регионами), сверхпотребляющими/стяжающими и недоедающими/терпящими лишения и нехватку инвестиций и т.д. Причём порыв в удобствах и комфорте одних прямо предполагает паразитирование на бедственном положении других. Антагонизмы провели повсеместное разделение, затронув и проблемы накопления и утилизации отходов, и состояние стандартов и качества жизни, и возможности творчества, и социально-экономические предпосылки демографического кризиса и проч. – вплоть до многократной угрозы уничтожения цивилизации и скатывания в диктатуру одной страны (организации, корпорации и т.п.). Характерно, что на призыв о помощи перед лицом атакующей эпидемии европейских стран: Италии, Сербии и др. первыми откликнулись Китай, Россия, Куба, Вьетнам, но отнюдь не Евросоюз. Напротив, страны Запада пытались эгоистически утащить средства медицинской защиты друг у друга. Между тем, чем больше оснований у общества, чем более сложна внутренняя структура, тем оно устойчивей в периоды относительных стабильности и изменений, тем способней к дальнейшему развитию. Соответственно, мир стоит перед общей задачей гармонизации общественного порядка и выращивания более справедливой реальности, позволяющей сочетание максимального роста прав (от краеугольного права на жизнь, на её достойное человека качество, на обеспечение равнодоступности условий до полной корзины социальных, экономических, политических, экологических и др.) каждого с патриотизмом.

Кризисы последних лет демонстрируют: во-первых, именно государства (а не, например, транснациональные компании или неприбыльные организации) пытаются отражать вызовы, возникающие перед человечеством; во-вторых, ставшая за последние четверть века общественная система на уровне как социально-политического строя, так и международного порядка стала критично слабой в решении жизненно важных проблем; в-третьих, важнейшие социальные гарантии (8-часовой рабочий день, декретный оплачиваемый отпуск, больничный лист, бесплатные и качественные жилище, здравоохранение, образование, досуговые организационные формы и т.д.), данные ойкумене лагерем реального социализма, с его деструкцией подвергаются активным попыткам демонтажа, а интересы народных масс подменяются узкоэгоистичной заинтересованностью наднационального олигархата. Государственный образ мышления базируется на умении временно создавать подсистемы, повышающие шансы использовать благоприятные возможности и минимизировать угрозы для общества; тем самым, ответственность государства перед народом требует способности предвосхищать изменения и бедствия. Между тем курс на приращение общественного богатства прямо требует и максимизации доступа к возможностям развития и реализации в просоциальном творчестве высокоиндивидуализированного комплекса одарённости каждого, и усиления роли государства во время трансформаций парадигмального качества [1–3].

Представления об ответственном перед народом государстве общего процветания (благополучия) связываются с ценностно-смысловыми комплексами отнюдь не праздного безделья и/или потребительства, а созидания и творческого поиска. Эта ситуация ориентирует отнюдь не на скопление разнообразных социальных иждивенцев и их услуги, а на активную поддержку творчества (прежде всего духовно-интеллектуального) с реализацией приоритета человека, его прав и свобод; социальной справедливости, то есть социального равенства людей в правах и возможностях; солидарности, понимаемой как выражение общности человечества и сочувствия к жертвам несправедливости. Что, в свою очередь, востребует организации структур не полицейского государства (тем более в интересах внешних сил), а реального народовластия и, соответственно, ответственности за общественную жизнь. Соответственно, создание и развитие механизмов реализации народного суверенитета относится к числу приоритетов структурирования общественной организации. Отстаивание своей самобытности – условие не только успеха, но и просто выживания. Напротив, формирование социально-политической культуры инфантилизма и иждивенчества, ожидания

«манны небесной» ведёт к угодничеству перед сильными в данный момент и предательству интересов народа. Аппарат власти – либо средство насилия и принуждения, либо направление делегирования и наделения полномочиями, создаётся на основании доверия вокруг базовых ценностно-смысловых комплексов или договора. Но вирусность чужеродных подходов в местной форме не только концентрируется в слое компрадорства/коллорабационизма, но и обостряет самозванство (в т.ч. олигархов), непосредственно или в конечном счёте вынужденное акцентировать силовой блок и формировать полицейское государство для паразитирования на народе. Собственно, ассоциирование индивидуального мастерства и кумулятивной синергетики среды и позволяет «сшивать» национальные особенности культурно-цивилизационных миров с разнообразными достижениями. Поддержание же традиционных нравственных начал, обеспечение их инновационными формами имеет не только культуuroобразующее значение, но и государственнообразующую роль.

Анализ антикризисных мер не обособленно, не изолированно, а в комплексе позволяет выделить и рассмотреть доминанты трансформаций. Так, уже очевидна иллюзорность рецептов либеральной демократии, заведомо не справляющейся с чередой кардинально важных кризисов. Неадекватность господствующих моделей новым историческим вызовам требует инновационности решений в вопросах государственного строительства. И подлинная суверенность: политическая, экономическая, идеологическая, духовная – неотделима от создания собственной модели будущего и перехода к нему культурно-цивилизационными мирами соответственно опыту, условиям, пониманию задач. Вместе с тем без реального народовластия нет ни продуктивной защиты коренных национальных интересов, ни максимизации творческой активности. Одновременно изменился и сам мир: для человечества всё важнее просоциальное развитие и реализация сугубо индивидуальных комплексов одарённости каждого; от упований на регулятивные возможности рыночной стихии осуществлён переход к ориентации на расчёт потребительских ниш, маркетинговое планирование, стимулирование и управление. Утратившие практическую истинность модели «свободного ценообразования», «рыночной конкуренции», «частной собственности» играют роль исключительно средств идеологической апологетики и отвлечения внимания от реальных процессов [14; 15]. Выход же в эпицентр общественного богатства и стало быть конкурентной борьбы сугубо индивидуальных комбинаций человеческой одарённости (прежде всего духовно-интеллектуальной), тесно сопряжённых с ценностно-смысловыми комплексами, социальным наследием и исторической

памятью, делает кардинальные демократизацию и гуманизацию системообразующих отношений труда, собственности и управления необходимым шагом в раскрытии экономического потенциала. Вместе с тем задачи максимизации творческой активности (в частности, обеспечения просоциальных развития и раскрытия способностей населения) требуют адекватного государственного курса [9–13]. Прежде всего в направлениях высвобождения от рутинной деятельности (например, коммунально-бытового свойства), повышения качества и равнодоступности общественных благ, создания соответствующих условий жизнедеятельности. Разумеется, тем самым увеличивается значение социальной нагрузки политико-экономического курса государства как отражения ответственности перед народом. С одной стороны, участие в труде должно гарантировать материальное благосостояние и обеспечивать высокий социальный статус; с другой же – только личный труд, индивидуальное участие в общем творчестве и может быть фактором дифференциации в благосостоянии и престиже. Формирование образа будущего, включающее прочные социальные стандарты, серьёзные социальные гарантии, возрождение базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров, ответственность и государства и государственных топ-менеджеров, расширение государственных сектора и регулирования, создаёт элементы концепции социума, государства и экономики общего блага, увеличивая инструментарий справедливости [5–7].

Очевидно, речь идёт отнюдь не о произвольной благотворительности предпринимателей и некоммерческих организаций, а о планомерном изменении всего курса общества. Проявившиеся и находящиеся в анабиозе стратегии могут оказаться лишь отложенной смертью ойкумены, а могут быть чреватые развёртыванием созидательной силы кластеров дальнейшего расцвета. Умение усилить вектор социальной ответственности – это весомый фактор формирования и реализации политико-экономических стратегий. Социально-ориентированное государство – рычаг соединения сил общественного саморегулирования с сознательными действиями по коренной модернизации условий деловой активности. Утверждение демократических принципов регулирования жизнеустройства также увеличивает значимость для общества социальной педагогики: массовое развитие сознательной инициативы (прежде всего в труде и управлении) требует адекватных образованности и воспитания. Так, и история преодоления кризисов уже отчётливо продемонстрировала вялый характер социальной помощи со стороны своекорыстных олигархических группировок, и сформировавшиеся глобальные вызовы требуют совершенно иного уровня координации для

масштабного политико-экономического маневрирования. Резкое углубление системного кризиса, в глобальном масштабе охватившее политико-экономическую и культурно-цивилизационную целостность, вывело в ядро главного внутреннего противоречия столкновение интересов компрадорского олигархата (в т.ч. под либерал-националистическими лозунгами) и народов в определении ведущей направленности комплекса вопросов трансформаций государства, науки, промышленности, технологий и коммуникаций, права, образования, социальной сферы, политической идеологии и психологии.

И постглобальность как состояние культурно-цивилизационных миров включила в себя процессы децентрализации, регионализации и глобализации, став этапом организации безопасности и развития человечества. Полиструктура мирохозяйственных связей («мир миров»), основанная на выработанных и взаимоприемлемых нормах отношений, а вовсе не блок из идентичных атомов-элементов, всё заметнее начинает характеризовать облик и содержание постглобальной действительности [3, с. 149–165]. Причём противостоянием последствиям пандемии порой прикрывают решение вопросов по овладению/сохранению сферой и инструментами международного и внутреннего влияния (в частности, попытки консервации изменений). Тенденции же к регионализации, к борьбе за глобальное лидерство и к повышению степени подконтрольности личности на основе цифровизации взаимодействуют и накладываются друг на друга.

Переструктурирование обогащается конкретными характеристиками, создания своего замысла и выявления намерений, наиболее обострённо проявляясь именно в переходный период, когда при идеологической сумятице и хаосе ориентиров на первый план выходит умение обновить и сохранить базовые ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационного мира [16–18]. Так, время форсированных преобразований концентрирует возможности и угрозы, во многом предопределяя уровень дальнейшей орбиты общества на многие годы, но и само весьма зависимо от поведения актёров. Постглобальное состояние базируется на усилении фрагментаризации (прежде всего регионализации) ойкумены с повышением разнообразия моделей устройства и своеобразия направления поиска роста своей конкурентоспособности. Соответственно, если постглобальность характеризует объективное состояние ойкумены (в частности, международной жизни), то постглобализм – субъективное отражение его, качество осознания и использования, прежде всего в осуществлении баланса стратегии, тактики и оперативки. Возникшая постглобальность: комплексная регионализация мира (прежде

всего на основе базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров) при регулярности обменов материальными и духовными благами в глобальном масштабе воплощается в новой стратегической реальности. Постглобализм наиболее выпукло выявляется как качество, во-первых, понимания/восприятия/представлений, и во-вторых, освоения складывающейся действительности в рамках материальных и духовных практик. «Информационный взрыв» повысил значение деятельности по оценке, отбору и переработке знаний, что естественным образом повышает общественную ценность одарённости и компетентности, фиксируясь в явлениях меритократии и экспертократии. Сокращение срока для принятия и осуществления решений, на протяжении которого действия являются продуктивными, увеличивает как роль допущенных к функциям власти и управления, так и статус народного контроля за их деятельностью (в частности, для препятствия узкокорыстному эгоизму, бюрократической коросте и административной коррупции).

Соответственно, кардинально важным в период форсированных преобразований международных отношений становится обстоятельство, кто и в чьих интересах будет осуществлять перемены [19, с. 4–12]. В частности, будут ли они происходить в коренных интересах народов мира или же транснациональных корыстно-олигархических кланов. Причём уже ближайшие годы могут стать критическими, решающими в определении архитектуры и вектора трансформаций ойкумены, когда в обострившейся стратегической конкуренции культурно-цивилизационных миров определится «удельный вес» и «место» каждого из них, уровень и образ жизни людей.

Выводы. Таким образом, максимизация социальных развития и реализация творческого потенциала населения настоятельно востребует повышения уровня социальной защищённости человека. Причём это принципиально не могут быть «меры для богатых» и «иллюзии для бедных». Социально-политическая устойчивость общества, дополнительно испытываемая на излом форсированными трансформациями переходного периода, склоняется к модели либо более или менее открытой сегрегации (коррелирующей с полицейским государством при мощной пропагандистской машине, тоталитарном обществе и приоритете силового блока), либо народовластия (с поддержкой развёртывания и воплощения дарований каждого, а, следовательно, мощной системой социальной защищённости – без дискриминации в доступе к общественным благам).

Ныне приоритетом стратегического управления становится очеловечивание общественной жизни и создание социальных условий свободы и творчества для наиболее полного осуществления и раз-

вития глубоко индивидуального комплекса одарённости каждого. Проявившиеся и находящиеся в анабиозе стратегии могут оказаться лишь отложенной смертью ойкумены, а могут быть чреватые развёртыванием созидательной силы кластеров дальнейшего расцвета. Умение усилить вектор социальной ответственности – это весомый фактор формирования и реализации политико-экономических стратегий.

Социально-ориентированное государство – рычаг соединения сил общественного саморегулирования с сознательными действиями по коренной модернизации условий деловой активности. Утверждение демократических принципов регулирования жизнеустройства также кардинально увеличивает значимость для общества социальной педагогики: массовое развитие сознательной инициативы (прежде всего в труде и управлении) требует адекватных образованности и воспитания. Для органичности развития общества необходимо воспитывать не потребителя, а созидателя, укоренённого в пластах культуры и овладевшего социальным наследием духовно богатого человека. Вместе с тем любые попытки «введения единообразия» мешают творческому поиску, препятствуют развитию.

Обеспечение исторической субъектности народа и качества участия в создании общества знаний требует как комплексного преобразования общественной среды, так и формирования точек концентрации позитивных изменений, прежде всего научно-образовательно-производственных кластеров: см. постоянные возвращения Стругацких к тематике педагогического «парника» в цикле о педагогическом лицее Ташлинска. Пороговое состояние ойкумены делает неизбежным кардинальное совершенствование человека, в частности, системное образование личности в едином процессе дошкольного, школьного, послешкольного образования, регулярной переподготовки и постоянного самообразования. Усложнение социума требует овладения методами общественно полезного использования (а подчас и ненасильственной нейтрализации) самой разнообразной индивидуальной энергии. Новое состояние общества как внутреннего, так и внешнего структурирования целостности социальных связей увеличивает заинтересованность в формировании адекватных человеческих качеств, инновационном состоянии меры индивидуализации – социализации/аккультурации.

Повышение эффективности научных исследований в этой сфере требует, на наш взгляд, приоритетного анализа трансформаций ресурсно-методологических баз исследовательской и управленческой рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глобальна соціальна політика / Б. Дікон, М. Халс, П. Стабс. Київ : Основи, 1999. 346 с.
2. Джохадзе И.Д. Демократия после Модерна. Москва : Праксис, 2006. 112 с.
3. Красин Ю.А. Идеология в трансформирующемся мире: штрихи к новому видению. *Политические исследования*. 2014. № 6. С. 149–165.
4. Куценко В.І. Соціальна сфера: реальність і контури майбутнього (питання теорії і практики). Ніжин : Аспект-Поліграф, 2008. 818 с.
5. Медведев В.А. Устойчивое развитие общества: модели, стратегия. Москва : Академия, 2010. 312 с.
6. Серебрянников В.В., Хлопьев А.Т. Социальная безопасность России. Москва : МНИИПУ, 1996. 352 с.
7. Скуратівський В.А., Палій О.М., Лібанова Е.М. Соціальна політика. 2-е вид., доп та перероб. Київ : УАДУ, 2003. 365 с.
8. Соціальна безпека: теорія та українська практика / І.Ф. Гнибіденко, А.М. Колот, О.Ф. Новікова та ін. Київ : КНЕУ, 2006. 292 с.
9. Шедяков В.Е. Активизация социально-экономических ресурсов обеспечения общественного согласия в решении стратегических созидательных задач. *Институціалізація як фактор забезпечення розвитку системи інвестиційно-інноваційної безпеки України* / заг. ред. О.Л. Гальцової. Запоріжжя : Гельветика, 2019. С. 242–261.
10. Шедяков В.Е. Воплощение идей социального государства: утопия или необходимость, позади или впереди? *Первый независимый научный вестник*. 2015. № 1. Ч. 2. С. 44–48.
11. Шедяков В.Е. Межпарадигмальный переход в структуре и организации международной жизни. *Research, challenges and development prospects in the area of social sciences* / ed. board: J. Kloc, U. Kemprińska, Z. Brenda. Wloclawek; Riga : Baltija Publishing, 2020. P. 301–325. DOI: <https://doi.org/10.36059/978-9934-588-42-6/301-325>.
12. Шедяков В.Е. Социальная защита в контексте культивирования общественно ответственного поведения. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Економіка і менеджмент*. 2016. Вип. 19. С. 3–9.
13. Шедяков В.Е. Социально-экономические средства воплощения справедливости в постсовременном хозяйствовании. *Бізнес-навігатор*. 2018. Вип. 3-1 (46). С. 16–19.
14. Galbraith J.K. Economics & the Public Purpose. Boston : Meridian, 1988. 321 p.
15. Gamble A. Crisis Without End? The Unravelling of Western Prosperity. UK : Palgrave Macmillan, 2014. 240 p.
16. Shedyakov V. Strategy of changes: challenges, measurements, priorities. *Strategies for sustainable socio-economic development and mechanisms their implementation in the global dimension* / ed. by M. Bezpartochnyi. Sofia : St. Grigorii Bogoslov, 2019. Vol. 2. P. 51–62. DOI: <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.11839233.v1>.
17. Shedyakov V. Successful formation of basic value-sense complexes as a condition of histori-

cal innovations of paradigm level. *Innovative scientific researches: European development trends and regional aspect* / scient. ed. & project dir. A. Jankovska. Riga : Baltija Publishing, 2020. P. 44–67. DOI: <https://doi.org/10.30525/978-9934-588-38-9-40>.

18. Wallerstein I. *World-Systems Analysis. An Introduction*. Durham and London : Duke University Press, 2004. 110 p.

19. White C. The end of an era: It's time for LaRouche's remedies. *Executive Intelligence Review*. 1995. Vol. 22. No. 37. Sept. P. 4–12.

REFERENCES:

1. Ghlobaljna socialjna polityka [Global social policy] / Dikon, B., Khals, M., Stabs, P. (1999). Kyiv: Osnovy, 346 s. [in Ukrainian].

2. Dzhokhadze, I. D. (2006). *Demokratiya posle Moderna* [Democracy after Modernity]. Moskva: Praksis, 112 s. [in Russian].

3. Krasin, U.A. (2014). *Ideologiya v transformiruyushchetsya mire: shtrikhi k novomu videniyu* [Ideology in a transforming world: touches on a new vision]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, No 6, pp. 149–165 [in Russian].

4. Kucenko, V.I. (2008). *Socialjna sfera: realnistj i kontury majbutnjogho (pytannja teoriji i praktyky)* [Social sphere: reality and contours of the future (questions of theory and practice)]. Nizhyn: Aspekt-Polighraf, 818 s. [in Ukrainian].

5. Medvedev, V.A. (2010). *Ustoychivoe razvitie obshchestva: modeli, strategiya* [Sustainable development of society: models, strategy]. Moskva: Akademiya, 312 s. [in Russian].

6. Serebryannikov, V.V., Khlop'ev, A.T. (1996). *Sotsial'naya bezopasnost' Rossii* [Social Security of Russia]. Moskva: MNIIPU, 352 s. [in Russian].

7. Skurativskij, V.A., Palij, O.M., Libanova, E.M. (2003). *Socialjna polityka* [Social policy]. 2-e vyd., dop ta pererob. Kyiv: UADU, 365 s. [in Ukrainian].

8. Ghnybidenko, I.F., Kolot, A.M., Novikova, O.F. ta in. (2006). *Socialjna bezpeka: teorija ta ukrajinsjka praktyka* [Social security: theory and Ukrainian practice]. Kyiv: KNEU, 292 s. [in Ukrainian].

9. Shedyakov, V.E. (2019). *Aktivizatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh resursov obespecheniya obshchestvennogo soglasiya v reshenii strategicheskikh sozidatel'nykh zadach* [Activization of socio-economic resources to ensure social harmony in solving strategic creative tasks]. *Instyucijalizacija jak faktor zabezpechennja rozvytku systemy investyicijno-innovacijnoji bezpeky Ukrajiny* / zagh. red. Ghajcovoji, O.L. Zaporizhzhja: Gheljvetyka, pp. 242–261 [in Russian].

10. Shedyakov, V.E. (2015). *Voploshchenie idey sotsial'nogo gosudarstva: utopiya ili neobkhodimost', pozadi ili vpered?* [The embodiment of the ideas of a social state: utopia or necessity, behind or in front?] *Pervyy nezavisimyy nauchnyy vestnik*, No 1, ch. 2, pp. 44–48 [in Russian].

11. Shedyakov, V.E. (2020). *Mezhparadigmal'nyy perekhod v strukture i organizatsii mezhdunarodnoy zhizni* [Interparadigmal transition in the structure and organization of international life]. *Research, challenges and development prospects in the area of social sciences* / ed. board: J. Kloc, U. Kempiriska, Z. Brenda. Wloclawek; Riga: Baltija Publishing, pp. 301–325 [in Russian]. DOI: <https://doi.org/10.36059/978-9934-588-42-6/301-325>.

12. Shedyakov, V.E. (2016). *Sotsial'naya zashchita v kontekste kul'tivirovaniya obshchestvenno otvetstvennogo povedeniya* [Social protection in the context of cultivating socially responsible behavior]. *Naukovyj visnyk Mizhnarodnogho ghumanitarnogho universytetu*. Serija: Ekonomika i menedzhment, vyp. 19, pp. 3–9 [in Russian].

13. Shedyakov, V.E. (2018). *Sotsial'no-ekonomicheskie sredstva voploshcheniya spravedlivosti v postsovremennom khozyaystvovanii* [Socio-economic means of embodiment of justice in post-modern management]. *Biznes-navighator*, vyp. 3-1 (46), pp. 16–19 [in Russian].

14. Galbraith, J.K. (1988). *Economics & the Public Purpose*. Boston: Meridian, 321 p.

15. Gamble, A. (2014). *Crisis Without End? The Unravelling of Western Prosperity*. UK: Palgrave Macmillan, 240 p.

16. Shedyakov, V. (2019). *Strategy of changes: challenges, measurements, priorities. Strategies for sustainable socio-economic development and mechanisms their implementation in the global dimension* / ed. by M. Bezpartochnyi. Sofia: St. Grigorii Bogoslov, vol. 2, pp. 51–62. DOI: <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.11839233.v1>.

17. Shedyakov, V. (2020). *Successful formation of basic value-sense complexes as a condition of historical innovations of paradigm level. Innovative scientific researches: European development trends and regional aspect* / scient. ed. & project dir. A. Jankovska. Riga: Baltija Publishing, pp. 44–67. DOI: <https://doi.org/10.30525/978-9934-588-38-9-40>.

18. Wallerstein, I. (2004). *World-Systems Analysis. An Introduction*. Durham and London: Duke University Press, 110 p.

19. White, C. (1995). The end of an era: It's time for LaRouche's remedies. *Executive Intelligence Review*, vol. 22, No 37, sept., pp. 4–12.

The level of provision and distribution of social protection as a political problem

Shedyakov Vladimir Evgenievich

Doctor of Sociology,
independent researcher

The subject of the research is the processes of transformation of the foundations of changing the general level of social protection and its differentiation in society. The task of preparing the text is to study the necessity and possibility of changing the general level of social protection and its differentiation to expand the political base of reforms. The urgency of the problem is due to the serious role of this factor for the life of the country and the realization of the potential of the people. The methodology of the work is based on a combination of logical and historical approaches, an analysis of objective trends and their subjective reflections in the awareness of socio-political processes and the formulation of an action strategy. The pandemic additionally revealed the insufficient strength of the previous systems of social protection, forcing us to look for ways to the future (as always, with a lack of resource bases and the need for wide manoeuvre by them). Accordingly, in the formation and dissemination of competing images of the future, the tendencies to struggle for global domination, to regionalization and to increase control over the activities of an individual based on digitalization are superimposed on each other. At the same time, post-globalist situation as an objective characteristic of the new state of the world order is reflected in different ways in post-globalism as a system of ideas emerging in social psychology and ideology. The information base of the study is composed of international and state regulations, domestic and foreign publications, studies on the organization and transformation of social protection. Results of work – an analysis of historical trends is carried out, the features of the current period with its arsenal of approaches and possibilities/limitations of effective impact on socio-political processes at a strategic level are characterized. Ways to increase its productivity by improving the level and differentiation of social protection in society are proposed. Conclusions: maximizing pro-social development and realizing the creative potential of the population urgently requires increasing the level of social protection of a person. Moreover, this basically cannot be “measures for the rich” and “illusions for the poor”. The socio-political sustainability of society, additionally tested at the kink by forced transformations of the transition period, allows either a more or less open segregation model (correlating with the police state with a powerful propaganda machine, a totalitarian society and the priority of the power bloc), or democracy (with the support of pro-social deployment and implementation talents of everyone, and, consequently, a powerful system of social protection – without discrimination in access to public goods). Now the priority of strategic management is the humanization of public life and the creation of social conditions of freedom and creativity for the most complete realization and development of each individual's deeply individual giftedness. The adoption of democratic principles for regulating the living arrangements also dramatically increases the importance of social pedagogy for society: the mass development of conscious initiative (primarily in labour and management) requires adequate education and upbringing. For the organic development of society, it is necessary to educate not the consumer, but the creator, rooted in the strata of culture and mastering the social heritage of a spiritually rich person. At the same time, any attempts to “introduce uniformity” still hinder the creative search and hinder development. Ensuring the historical subjectivity of the people and the quality of participation in the creation of a knowledge society requires both a comprehensive transformation of the social environment and the formation of concentration points for positive changes, primarily scientific, educational and production clusters. The new state of society, both internal and external structuring of the integrity of social ties increases interest in the formation of adequate human qualities, the innovative state of individualization measures – socialization/acclimation. The threshold state of ecumene makes inevitable radical improvement of an individual, in particular, systematic education of a person in a single process of preschool, school, after-school education, regular retraining and constant self-education. The increasing complexity of society requires mastering the methods of socially useful use (and sometimes non-violent neutralization) of a wide variety of individual energy.

Key words: development, humanization, global transformations, regional and national features, post-globalist situation, post-globalism, state, strategy, education.